

Он заронил в нас свет, надеюсь, этот свет сохранится. Фоменко всегда умеет держать дистанцию и в то же время очень волнуется, если мы ее увеличиваем. Он отталкивает притягивая и притягивает отталкивая. На него всегда смотришь снизу вверх. И боишься приближаться.

Сегодня Фоменко воспитывает еще два курса. Один — только набран, другой — как уже случалось, оставлен на пятый год. Подрастающее поколение считается стажерами при театре и наступает на пятки отцам-основателям.

Полина: Среди наших актеров существуют разные мнения на этот счет. Лично я не испытываю перед молодыми никакого страха. Когда я была вынуждена на время оставить работу, на мою роль в «Волках и овцах» ввела Оленька Левитина. Нет актера, который безболезненно принял бы ввод на свою роль другого. Конечно, я переживала, но пришла в театр, поддержала Оленьку. Она играет совсем по-другому. С тех пор как я вернулась, мы играем в разных составах.

Ксения: Наш театр чем-то похож на семью, точнее — на цыганский табор. Любовь, ненависть, радости, горести завязаны настолько тугими узлами, что хочешь не хочешь, а ты обязан сосуществовать в общем пространстве. В большом академическом те-

«Настя» и «Орел и решка». Подходят и спрашивают: «Это вы — Настя?» Если попадают на Полину, которая сыграла эту «замечательную, очень светлую девочку», все в порядке. А если на Ксению?

Ксения: Я оказываюсь в идиотской ситуации. С одной стороны, я должна сказать «нет, это не я». Но это получится грубо и некрасиво. Чем останавливаться и долго объяснять что к чему, лучше ответить «да» и быстро смотаться. Так и существую между двумя ответами.

Они не стремятся использовать свое сходство и в кинематографе. Режиссер Владимир Грамматиков долго звал сестер в свой фильм «Сестрички либерти». Полина и Ксения прочитали сценарий и отказались. «Почему?» — спрашиваю я. «А вы видели фильм?» — вопросом на вопрос отвечает Ксения.

Полина снимается в кино, Ксения — нет. Нет ли тут некоторой неловкости?

Ксения: Я к этому отношусь спокойно и философски, без роковой неизбежности. Думаю, мое время еще придет.

Полина: Это только на первый взгляд получается, что моя кинематографическая судьба удачливее. Ксюха ведь тоже снимается: у Годара, в «Мелком бесе»... Единственное различие в том, что у меня случилась лю-

бренно сообщить, что я — не я, а еще лучше — улизнуть. Однажды мы пошли в какой-то театр, где билтерша не очень хорошо себя повела, и я с ней поскандалила. Прилюдно. Какая-то женщина нас узнала. В этот момент я поняла, что уже не тот человек, который может себе позволить скандалить. Не знаю, хорошо это или плохо, но теперь все делаю с оглядкой. Собственная репутация меня никак не трогает. Другое дело — театр. Но я рада, что научилась портить с людьми отношения. Хотя чтобы пойти на обостренные отношений, мне надо сделать значительное усилие, я всегда была робкой. Пришлось научиться за себя постоять. Мне хочется, чтобы другие знали, как себя со мной вести и чего нельзя допускать.

Вас приглашали сниматься в рекламе?

Ксения (без Полины): Очень часто. Приглашают рекламировать бытовую технику, средства для волос, прельщают съемками в Испании. Но мы, конечно, отказываемся.

Почему «конечно»?

Ксения: Потому что «конечно». Я спокойно отношусь к таким съемкам, но еще, тьфу-тьфу, не голодаю, а зачем мне заниматься тем, что неинтересно? Живу я на то, что зарабатывает муж.

ярким костюм, и через два месяца мы поженились. Суперромантичное приключение, в котором я чувствовала себя как героиня пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь»: там тоже все то влюбляются, то разлюбляются.

Муж недавно закончил высшие режиссерские курсы. Пока в его арсенале только учебная работа, но надеюсь, что в скором времени он снимет большое кино. Не правда ли, есть что-то символическое в том, что у меня муж — режиссер кино, а у Полины — театра?

Когда будущий муж Полины — преподаватель и режиссер их театра Евгений Борисович Каменкович — решил ставить «Двухнедельную ночь», все были уверены, что роль Виолы достанется Ксении (она в то время была более активной). Однако получилось наоборот. И хотя у Ксении до сих пор не получается перейти со своим зятем на «ты», она уже смогла назвать его «Женей» и надеется, что скоро себя «переломит».

В ночь перед свадьбой Полину посетила экстравагантная мысль. Она знала, что будущий муж, человек очень энергичный, весь день бракосочетания проведет в бегах. Дома найдешь... научники, и чтобы не потерять жениха из виду, Полина его приковала. Теперь к дому его приковывает дочка Неленька, названная так в честь бабушки, — ей уже шесть месяцев. За свою, прямо скажем, недолгую жизнь Неленька многое успела. Например, сопровождая мамой, тетей, бабушкой и всей театральной труппой, посетила город Антверпен.

Полина: Тогда я просто не понимала, что творю абсолютное безумство. Поехать на гастроли с двухмесячным ребенком... Я последовала две цели: с одной стороны, хотелось как можно быстрее вернуться на сцену. С другой стороны, это были очень ответственные для театра гастроли, и мне — может быть, слишком самонадеянно — показалось, что я не могу подвести и должна участвовать в поездке. Так что собой горжусь. Хотя если бы не мама, то точно бы «скопытилась».

После замужества сестры разошлись и впервые за свою четвертьвековую жизнь жили самостоятельно. «Мы теперь встречаемся только в театре», — говорит Ксения. «У нас теперь совсем разный круг общения», — вторит Полина. В этих словах нет ни сожаления, ни радости. Так сложилась жизнь.

Юнна ЧУПРИНИНА,
Фото Михаила КЛИМЕНТЬЕВА

Кутеповы: удвоение таланта

С Полиной и Ксенией Кутеповой мы учились в одной школе. Помню, как всех удивляло, что сестры никогда не ходили вдвоем. По дороге в школу можно было встретить одну, а минут через десять другую. Зато опаздывали обе.

Так что я не удивилась, когда они опоздали и на нашу встречу в «Новой опере», где «фоменки» играют некоторые из своих спектаклей. «Сейчас вы будете рассказывать, как мы похожи, — с ходу напорочила Полина. — Все журналисты это говорят».

Ксения как-то сказала, что знакомство с близнецами всегда проходит в несколько этапов: при первом приближении все находят их совершенно одинаковыми. При более близком знакомстве восклицают: «Какие же вы разные, как будто даже не сестры». А пообщавшись подольше, принимают за старое: «Как вы похожи». Наше знакомство не близкое и тем более не долгое. «В «Месяце в деревне» вы совсем непохожи», — пытаюсь я поправиться сестрам. «А вы видели спектакль?» — удивляется Полина. — Странно, что люди смотрят». И сестры заразительно хохочут.

Жизнь на двоих

На самом деле сестер три. Старшая — Злата — режиссер по образованию, работает на телевидении и, по словам сестер, не слишком на них похожа.

А вот Полине и Ксении пришлось свикнуться с интересом к их «близнятству», и они уже привычно дурчатся, раздумывая, кто пошел в какую породу. Кто в мамину, из Рязани, кто в папину, из-под Курска. Чем вам не доказательство непохожести? Ведь папа и мама — совершенно разные люди...

Ксения: Между нами никогда не было соперничества. То, что я «старше», проявлялось только в раннем детстве. А сейчас... У нас есть равнение. Поскольку мы всегда рядом, я привыкла следить за Полиной, а она за мной.

Жизнь сестер Кутеповых в искусстве началась с танца. Семь с половиной лет сестры плясали в ансамбле имени Локтева. Там-то их и приметили: позвали в кино. Одним фильмом дело не ограничилось. Необычная фактура — близняшки, очаровательные, да к тому же еще рыжие — сыграла свое дело, и фотографии девочек были занесены в актерскую картотеку. Недавно Ксенин муж притащил домой кассету с записью одного из ранних фильмов, на съемках которого Кутеповым только-только исполнилось десять. Ксения обожалась: так было смешно смотреть на себя...

Обе почему-то относятся к своим детским ролям несколько пренебрежительно. «Это все было несерьезно», — отмахиваются сестры. Однако те работы — особенно экранная сказка Линдгрэн «Рыжий, честный, влюбленный» — принесли им первую известность. А участие в фильме «Василий и Василиса» вообще отдал пророчеством. Там они снимались вместе с Ольгой Остроумовой, а спустя пятнадцать лет ее дочь Оленька Левитина играет одну и ту же роль с Полиной Кутеповой.

В те времена у сестер была одна жизнь на двоих. «У нас даже одежда была исключительно общая, — вспоминает Ксения, — кто раньше схватит, тот и идет. Сейчас, когда развеемся, мой гардероб значительно оскудел». Но дело не в общем стиле жизни, укладе или интересах. Просто они всегда были вместе и поэтому все, что знала одна, было известно другой. Лишь общие воспоминания — своих у каждой из них не было.

Нетеатральные девочки

В театральные сестры пошли вместе. «Почему?» — не удержалась я от вопроса. «Да так как-то, — ответила Ксения. — Нам просто не пришлось в голову сделать по-другому. Даже вступительная «программа» была одна: сестры разыгрывали по ролям стихотворение Хармса: «А вы знаете, что со, а вы знаете, что ба, а вы знаете, что ки, что собачки-пустолайки научились летать?» — требовали они ответа у вступительных комиссий. Те отвечали: «Девочки, разделяйтесь, поступайте поодиночке. Актерские курсы такие маленькие, кому нужны две одинаковые актрисы?»

Полина: Я не представляю, что бы было, если бы одна из нас провалилась. Нам некуда больше идти. Мы ничего не умели. Нас ничего больше не интересовало.

По большому счету, театр их тоже не интересовал. В этом вопросе сестры были девочками необразованными, и когда, еще учась в школе, попали на какой-то спектакль («чудовищный» — закатывает глаза Ксения), он отбил всякую охоту к подмосткам. Признание нисколько не похоже на кокетство. Тогда почему все-таки актеры? Может быть, благодаря старшей сестре, театром увлеченной. Может быть, из-за гуманитарной школы, которая славилась своими театральными спектаклями. Может, повлиял актер-

ский опыт, полученный в юношеской киностудии на Ленинских горах.

Единственным, кто не побоялся «одинаковых» актрис, оказался Петр Фоменко: на его курсе было зачислено три девушки, две из них — близняшки.

Ксения: Наша «нетеатральность» Петру Наумовичу не помешала. С точки зрения профессии мы были чисты как белый лист. Слава богу, Петр Наумович написал на нас, незапятнанных, именно то, что было нужно. Мы довольно быстро нахватались. С другой стороны, было тяжело: сразу же хотелось результата, но его, естественно, быть не могло, и потому первые годы учебы я вспоминаю как годы жесточайшего испытания самолюбия. На каждом курсе я порывалась уйти и решала, что актерство — это не «мое». Потом проходило время, что-то случайно получалось...

Кутеповым очень повезло с Фоменко. Как повезло и всем студентам его курса. А может, это не просто везенье? И на то, что актерский курс Петра Наумовича практически сразу преобразовался в театр «Мастерская Петра Фоменко», оказали влияние не только судьба и воля самого мастера, но не в последнюю очередь и воля Полины и Ксении? Так или иначе, параллельно учебному процессу происходил процесс рабочий. Когда несмотря на четырехлетнее обучение студентов оставили при институте на пятый курс, они уже не были просто студентами, они были труппой.

Ксения: Время показывает, что Фома всегда прав. Он же Мастер. Мои слова могут показаться убогими, но Петр Наумович повлиял на нас в главном — личностном — плане.

«Если честно, у меня сейчас мысли все больше семейственные. Хочу, чтобы дочка вышла хорошая» (Полина)

атре, где труппа — человек пятьдесят-шестьдесят, очень легко уединиться и не иметь ни к кому никакого отношения. В такие театры люди приходят уже сформировавшимися личностями, со своей системой защиты. У нас уединение практически невозможно.

Сейчас Полина и Ксения репетируют инсценировку второго тома «Мертвых душ».

— Вы готовы разлучиться с сестрой и работать в разных театрах?

Полина (без Ксении): Сомневаюсь. Не потому, что привыкли, а из-за духовной связи. Это было бы очень тяжело.

Ксения (без Полины): Честно говоря, не готовы. Мне эта возможность даже в голову не приходила. Но кто знает, как сложится, как повернется.

Джюльетта и сестра ее Ромео

Аналога Кутеповым ни в отечественном, ни в мировом театре, кажется, нет. Правда, Ксения рассказывает, что однажды видела видеозапись спектакля режиссера по фамилии Кантор. У него в труппе работают два близнеца, переходят из спектакля в спектакль. Но Полина и Ксения Кутеповы не ограничиваются обмыриванием сходства. У них есть «идея ради идеи, не имеющая под собой никаких практических оснований»: сыграть Ромео и Джюльетту. Историю двух сестер, в детстве разлученных и по-разному воспитанных, одна — как девочка, другая — как мальчик. Счастье Ромео (Полина) и Джюльетта (Ксения) обретают только воссоединившись.

Если на улице у них спрашивают: «Вы, девочки, близнецы?», сестры дружно отвечают «нет» и проходят мимо. Другое дело, когда в них признают актрис. Как правило, узнают те, кто видел фильмы Георгия Данелии

бось с Даниелией. Даниелию и Фоменко при всей их непохожести объединяет огромное внимание и доверие к актеру, они актерские режиссеры.

«Если Даниелия еще раз позовет, пойдемте», — спрашиваю я Полину. «Конечно, — хохочет она в ответ, — а как же?»

Фоменко — это посильнее Годара

Я слушаю Полину с Ксенией и удивляюсь. Никакой таинственности, ответы лаконичные и неожиданные в своей откровенности. Спрашиваю, например, заранее предвкусывая ответ: «Правда, что у вас в театре все друг друга любят?» А Ксения разрушает «картинку»: «Нет, неправда» — и смотрит честными глазами, отказываясь, впрочем, что-либо комментировать. «Но профессия предполагает некоторую таинственность, многие даже специально выстраивают свою биографию», — подначиваю я. «Но мы же не шоумены, — искренне недоумевает Ксения. — Мы просто актрисы».

Актерская профессия уже требует первых жертв. Особенно, если учесть, что Кутеповы — актрисы дисциплинированные. Они даже с Годаром «поссорились» из-за своего отношения к театру.

Дело было так. Жан-Люк Годар снимал картину «Наша святая Россия», где Кутеповы играли двух сестер, современных русских девушек, консьержек отеля, объясняющих репликами из «Трех сестер». Несмотря на то что это был сам Годар и самый большой заработок на тот момент, сестры не смогли дождаться в картину: поспешили на спектакль в Москву. Только все оказалось зря: спектакль не состоялся. А фильму Кутеповы так и не увидели.

Ксения: Иногда я совсем не соответствую представлению об актрисе. Тогда пытаюсь

«Все мои сегодняшние желания сводятся к творчеству. Я бы хотела достигнуть мастерства пианиста-виртуоза, который способен выразить все, что хочет, и не думать о технике» (Ксения)

Александр СОКОЛЯНИН